

190

Проф. А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ,
доктор педагогических наук.

АКАДЕМИК Ф. И. УСПЕНСКИЙ КАК ПРОФЕССОР И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

(по личным воспоминаниям)¹⁾.

Ф. И. Успенский проработал в б. Новороссийском, ныне Одесском Государственном Университете имени И. И. Мечникова, в течение 20 лет. В 1874 г. он начал здесь чтение лекций молодым доцентом по кафедре всеобщей истории, а в 1894 г., уже окруженный славой одного из крупнейших русских историков, пользовавшийся почетной известностью и в зарубежном учёном мире, он отправился в Константинополь, где протекло следующее двадцатилетие его плодотворной деятельности в качестве директора Русского Археологического Института и автора ценных трудов по истории и археологии.

Я был связан с Ф. И. в течение 42 лет, сначала как один из его ближайших учеников, а затем как почитатель и друг. В Новороссийском университете я пробыл 6 лет, с 1886 по 1892 г., с годичным перерывом «по независящим обстоятельствам». По окончании курса историко-филологического факультета я готовился под руководством Федора Ивановича к ученой деятельности.

Чтобы судить о работе профессора, необходимо прежде всего учесть обстановку, в которой протекала эта работа. По уставу 1884 г. на историко-филологическом факультете было формально два отделения, — историческое и славяно-русское, но по существу это были только уклоны, так как факультет в основном был классическим; значительнейшее число часов

¹⁾ Эта статья является извлечением из работы, составленной мною по поручению Отделения Философии и Истории Академии Наук СССР.

736665

отводилось на чтение и объяснение античных писателей и на практические занятия по греческой и римской филологии. Только с 1888 г. было восстановлено старое деление факультета на три отделения, — классическое, историческое и славяно-русское, причем античная филология все-таки сохранила свою гегемонию на всем факультете, хотя и несколько ослабленную.

Историко-филологический факультет был очень малочислен, на всех трех отделениях значилось обыкновенно не более 50 студентов.

Ф. И. Успенский начал преподавать в университете при уставе 1863 г.; к новому толстовско-дедяновскому уставу он относился отрицательно и, при всей своей сдержанности, не скрывал этого чувства от своих слушателей.

Чтение курсов всеобщей истории было разделено на факультете между двумя профессорами: Ф. И. Успенский читал историю средних веков и историю древней Греции и Рима, а А. С. Трачевский — новую историю (с XVI в.), историю древнего Востока и иногда историю первобытной культуры.

Осенью 1886 г. я впервые стал слушать лекции Ф. И. Успенского. Кроме общих курсов истории средневековья, Греции и Рима, он читал в разные годы много специальных курсов: историю крестовых походов, историю южных славян до турецкого завоевания, историографию Византии, историю византийско-русских отношений в IX и X вв., древний период русской и юго-славянской истории в связи с изучением византийской истории и др. Кроме того он вел разнообразные практические занятия.

Среди студентов Федор Иванович пользовался большим уважением, как крупнейший ученый, страстно преданный науке, очень строгий к себе и весьма требовательный по отношению к своим ученикам. Ф. И. не был первоклассным лектором; этому мешал его глуховатый теноровый голос и отсутствие некоторых данных, свойственных хорошему ораторам; в этом отношении он безусловно уступал А. С. Трачевскому, нередко оканчивавшему лекции под аплодисменты аудитории, главным образом студентов других факультетов. Но по содержанию своему, по научному достоинству материала, по стройной структуре и по систематичности изложения лекции Ф. И. стояли на большей высоте, чем лекции Трачевского. Перечитывая теперь литографированные курсы лекций Ф. И. 80-х годов XIX в., я вновь убеждаюсь, что это был не только большой ученый, но и превосходный педагог, который самые

сложные и запутанные явления мог изложить ясно и доходчиво, обладал чувством меры, не увлекался деталями и искусно выделял существенное.

Во время своих поездок за границу Ф. И. не только изучал византийские и славянские документы в библиотеках и архивах, но и посещал лекции и семинары корифеев западной исторической науки, которым он, однако, отнюдь не подражал: создавая свою методику университетского преподавания и руководства научными занятиями учащейся молодежи, Ф. И. искал, где только мог, примеров для сравнения, подвергал анализу приемы других преподавателей и т. п. Он тщательно готовился к лекциям, но читал без записок; только иногда он клал на кафедру небольшой листок с планом лекции.

Федора Ивановича правильно относят к группе русских историков-позитивистов умеренно-либерального направления; он добросовестно, с чрезвычайным научным ригоризмом искал исторической истины, но он отнюдь не был бесстрастным исследователем прошлых времен. Подобно своему учителю В. И. Ламанскому, он отвергал отчужденность науки от национальных и общественных интересов, но эти национальные интересы понимались им совершенно не так, как представителями российского официального национализма. Будучи глубоким знатоком славянского мира в его прошлом и настоящим, одушевляемым идеей «славянской взаимности», выдвинутой Ламанским, горячо преданный интересам славянства, Ф. И. был в то же время совершенно свободен от крайностей славянофильства; как и у Ламанского, в мировоззрении Ф. И. господствовал примиряющий синтез славянофильства с западничеством. Отмечу еще одну важную черту в мировоззрении и научном творчестве Ф. И. С конца 70-х годов лучшие русские историки, как известно, проявляли огромный интерес к социально-экономическим вопросам, к земельным отношениям, к положению крестьянства, к судьбам крестьянской общины. Для русских историков это были актуальнейшие, жизненные вопросы. Это вытекало из отношения этих историков к русской действительности. Совершенно не случайно одновременно (в 1879 г.) с книгой Н. И. Кареева о французских крестьянах в последней четверти XVIII в. появилась замечательная работа В. Г. Васильевского «Материалы для внутренней истории Византийского государства». В том же направлении шли главнейшие работы И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и Ф. И. Успенского. С 1883 г. стали печататься исследования Федора Ивановича

о землевладении и о крестьянской общине в Византии, о связи социальных реформ и социальных движений в Византии со славянской иммиграцией, о процессе феодализации византийского общества и др.

Указанные выше черты налагали яркий отпечаток на лекции и семинарские занятия Ф. И-ча. На своих лекциях он нередко говорил с увлечением, горячо защищал то или иное положение, но никогда не переходил на платформу публицистики. Ф. И., как теоретик и исследователь, не был свободен от ошибок, от слишком смелых выводов и т. п. Мы, его слушатели, следившие за развитием исторической науки о Византии и славянстве, знали, конечно, веские замечания В. Г. Васильевского по поводу некоторых положений Ф. И. в его докторской диссертации об образовании второго болгарского царства: в полемике Васильевского с Ф. И.—чем на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» по поводу постройки крепости Саркел мы склонялись на сторону первого. Но эти частности несколько не умаляли в наших глазах ученой авторитетности нашего профессора. Слушатели Ф. И-ча по Одесскому университету пошли по различным направлениям: Б. Фармаковский стал выдающимся археологом, Мандес сделался солидным специалистом в области классической филологии, Айналов и Редин приобрели известность, как искусствоведы, Режабек специализировался в области истории императорского Рима и т. д., но все они считали Ф. И. своим учителем, о котором сохраняли благодарную память.

Обратимся к краткому анализу лекций Ф. И. Ежегодно он читал общий курс средневековья. Содержание этих курсов менялось, но генеральная линия, начертанная им уже во вступительной лекции, которую он прочел осенью 1874 г., оставалась неизменной. В вводной главе курса, который я слушал во второй половине 80-х годов прошлого века, Ф. И-ч справедливо критиковал русские учебники и руководства по средневековой истории, неизменно составлявшиеся по немецким и французским образцам, где греко-славянскому миру не отводился должного места. Это свидетельствует о том, говорил Ф. И., что мы еще недалеко ушли в понимании прямых задач русской исторической науки, и что чужие примеры продолжают оставаться для нас обязательными. Во Франции и Германии всеобщая история строится так, что центр тяжести сосредоточен на фактах национальной истории, а истории других народов отводится служебное место: особенно пренебрежи-

тельно западные историки относятся к истории восточноевропейских народов. А между тем с точки зрения русской исторической науки полезнее поступиться некоторыми фактами и явлениями истории Запада, чтобы можно было уделить подобающее место византийской и славянской истории. Для нас, говорит Ф. И.—ч, известия Прокопия и Константина Багрянородного имеют такую же важность, как для немцев и французов известия Тацита и Григория Турского. Особенно резко Ф. И.—ч критиковал немецкую историографию, сильнейшим образом насыщенную национализмом. Если немцы изучают славянский мир, то делается это обыкновенно с националистической точки зрения, с привнесением тенденциозных утверждений, цель которых сводится к тому, чтобы оправдать порабощение славянских племен и лишить их подобающей им роли в истории. Неправильно утверждение, говорил Ф. И., что отражением арабского натиска Европа обязана франкам, а монгольского — немцам. Изучение истории восточноевропейских народов необходимо для нас по многим причинам, а прежде всего как важное пособие для понимания отечественной истории, древний период которой развивался на общеславянских началах, проходил под сильным воздействием славяно-византийского юга и характеризуется в последствии обратным влиянием Руси на весь греко-славянский Восток. Кроме того славяноведение было в России главным поприщем ученой деятельности, в которой проявились первые плоды самостоятельного мышления и самобытных теорий.

На своих лекциях по истории средних веков Ф. И. разрушал фикции, будто бы вся история Византии представляет собою сплошную картину тысячелетнего упадка и разрушения, скучного, косного, однообразного топтания на одном месте. Он умел показать, что история Византии наполнена ожесточенной борьбой вокруг социально-экономических, политических и идеологических вопросов, что за борьбой богословских партий стояли политические группировки, что культурное влияние Византии на Запад гораздо старше XV в., и что оно не ограничивалось передачей Западу одних только формальных знаний, — греческого языка и античной греческой литературы. Для нас, говорил Ф. И., Византия не археологическая или отвлеченная проблема, а реальный предмет, важный для познания нашей собственной истории; при этом он настойчиво указывал на то, что Новороссийский университет должен стать очагом изучения истории Византии и славянского мира.

Излагая на лекциях древнюю историю славян, Ф. И. про-

изводил обстоятельный и углубленный анализ источников. Скифский вопрос, говорил он, для нас столь же важен, как кельтский вопрос для истории Франции и Англии. Из ученой литературы по славяноведению он особенно выделял «славянские древности» Шафарика, но критиковал его славянофильские увлечения. Ф. И. знакомил свою аудиторию с трудами Цейсса, Дринова, Забелина, Воцеля, Иречка, Пыпина, Макушева, Будиловича, Гаркави, Томека, Палацкого, Гильфердинга, Ламанского, с работами по истории славянского права Леонтовича и Котляревского, по славянской филологии — Востокова, Срезневского и Бодянского и др.

Вопросу о заселении Балканского полуострова славянами Ф. И. на своих лекциях уделял подобающее место. После обстоятельной критики теории Фальмераьера следовал анализ трудов Папарригопуло, Сурмелиса, Гопфа, Миклошича, Дринова и др., а затем изложение воззрений на данный вопрос самого Ф. И.—ча. Останапливаясь на законодательстве византийских царей-иконоборцев, Льва III и Константина Копронима, Ф. И. трактовал это законодательство в связи со славянской иммиграцией, делал параллельные экскурсы в область юридических отношений в Болгарии, Сербии и Руси и выдвигал тезис о том, что славяне не только заимствовали византийскую культуру, но и оказывали обратное влияние, что нашло свое выражение, между прочим, в «Земледельческом законе».

На протяжении всего курса своих лекций Ф. И. настойчиво проводил мысль о том, что историю Византии и славянских народов необходимо излагать не изолированно, а в тесной связи с историей Западной Европы, пользуясь сравнительным методом. Он решительно отвергал теорию о «самобытном» развитии Византии, совершенно отличном будто бы от развития Запада. Он доказывал, что экономические и социальные процессы могли проявляться в Византии в несколько иной форме, они могли протекать иными темпами, но по существу эти процессы были аналогичны на Западе и в Византии.

Излагая вопрос о судьбе свободной крестьянской общины в Византии, Ф. И. опровергал господствовавшую теорию Цахариев о том, что к началу XI в. свободная крестьянская община исчезла. В противовес Цахариев Ф. И. выдвигал свою, хорошо документированную теорию о том, что крестьянская община, принесенная славянами, оздоровившая организм Византии, спасшая Византию от арабов, болгар, норманнов, крестоносцев и турок-сельджуков, существовала значительно

позже XI в., что она впала в бессилие только в XIV—XV вв. вместе с развитием системы прони, которую Ф. И. рассматривал как подготовительную стадию феодализма в Византии и сближал с западной бенефициальной системой.

Превосходно документированным был отдел о франкской монархии и Италии в период Каролингов и о монархии Карла V. Здесь Ф. И. отчетливо излагал германскую и романскую теории развития феодальных отношений. Историю Запада в X и XI вв. Ф. И. излагал параллельно с историей Византии и славянских народов. Западно-европейской историей XI в. и начала XII в., движением городов, историей Генриха III, Григория Гильденбранда, т. н. борьбой за инвеституру и т. д. заканчивался семестровый курс лекций по истории раннего средневековья, очень богатый по содержанию и искусно построенный. История XII—XV вв. читалась на другом семестре. Я останавливаться на этом курсе не буду, так как он обладал теми же достоинствами и строился на тех же принципах. Ф. И. вводил своих слушателей в науку. Он не ограничивался изложением чужих мнений и теорий; он подвергал их обстоятельному анализу и выдвигал свою точку зрения.

Необходимо отметить, что Ф. И. нередко отступал от установившейся профессорской традиции, заключавшейся в чтении лекций перед безмолвной аудиторией. Он активизировал слушателей вопросами, вызывал замечания. В конце семестра он устраивал «коллоквиум», на котором выдвигались узловые темы. Эта работа сильно увлекала студентов, давала им возможность под искусным руководством профессора обозреть весь курс лекций и твердо зафиксировать главные моменты, а профессор мог в процессе этой работы ознакомиться с индивидуальностью отдельных слушателей и оценивать их силы.

Венцом научно-педагогического творчества Ф. И. были практические занятия со студентами по истории средних веков. Они заключались в чтении и объяснении основных источников: Тацита, Прокопия, Константина Порфирородного, «варварских правд», капитуляриев, формул, отрывков из хроник, источников по истории крестовых походов и др. Занятия эти были чрезвычайно плодотворны. Каждому источнику Ф. И. давал обстоятельную характеристику относительно его происхождения, достоверности, состояния рукописного наследия, научной литературы, связанной с источником и т. д. Тексты читались больше студентами, чем профессором; благодаря этому участники семинара вынуждались готовиться к пред-

стоящему занятию. Чтение сопровождалось обстоятельным комментарием, который имел задачей вскрыть экономическую, социальную и политическую ситуацию эпохи и общества, к которым относился источник, осведомить студентов о соответствующей научной литературе, анализировать толкования различными учеными того или другого места в источнике, ввести студентов в критику текста и т. д. Занятия эти являлись превосходной исторической школой. Здесь Федор Иванович обнаруживал свою исключительную начитанность в источниках и в научной литературе. В библиотеке Одесского университета сохранилась огромная тетрадь, в которую вносились заглавия всех научных книг, которые Ф. И. брал из этой библиотеки на протяжении 20 лет, с 1877 по 1894 г. Литература эта поражает своим количеством и разнообразием. Но ведь это была только часть той духовной пищи, которую поглощал этот подвижник науки. Ведь у Ф. И. на его квартире в доме № 10 по Малому переулку (угол Преображенской ул.), в которой он проживал долгие годы в Одессе, была своя, весьма внушительная библиотека. А сколько он перечитывал во время своих ежегодных научных разведок в библиотеках и архивах России и заграницы!

В начале семинарских занятий между студентами распределялись темы рефератов. Ф. И. был в высшей мере требователен, особенно к тем своим ученикам, у которых он замечал усердие и способности к науке. Так как число участников семинара было невелико, то на долю этих «избранников» приходилось иногда по 2—3 реферата в семинар, и притом на наиболее трудные темы. Реферат должен был подаваться профессору заблаговременно, в установленный срок, причем профессор строго относился не только к внутреннему содержанию творчества своего ученика, но и к внешнему его виду. В назначенный день автор реферата читал на семинаре свое произведение или часть его, если реферат был велик, затем следовал разбор профессора и, если он удостоивал работу удовлетворительной оценкой, то это было великим событием в жизни молодого автора.

Укажу на примеры рефератной работы на одном из семинаров Федора Ивановича. В 1890 г. появилась книга Рудольфа Зомы о происхождении немецких городов. Ф. И. поручил мне приготовить работу на эту тему. Дело, конечно, не ограничивалось реферированием книги Зомы: необходимо было сопоставить теорию Зомы с теориями Вайца, А. Шульте, Белова, Маурера, Гегеля, Арнольда и Лампрехта, изучить мно-

гочисленные термины по реальному лексикону германских древностей Гетцингера и по этимологическим словарям германских языков, ознакомиться с рядом грамот в сборнике Генглера и т. п.. Чтобы справиться с возложенной на меня задачей, потребовались 3 недели упорного труда. В том же семестре Федор Иванович поручил мне составить работу о королевской власти у германцев. Требовалось тщательно изучить «классические места» у Цезаря, Тацита, Страбона, Павла Дьякона, Иордана, Прокопия, в «Салической правде», сопоставить воззрения Вайца, Рота, Дана, Зибеля и Баумштарка и на этом материале посылно создать «собственное воззрение» референта. Повторяю, что работать у Ф. И. было весьма обременительно, но очень полезно.

Скажу несколько слов о преподавании Федором Ивановичем античной истории. Излагая доисторический период Греции, он привлекал выводы археологии и сравнительной филологии. Критско-микенский период он излагал для своего времени (80-е годы) очень интересно. Разбирая гомеровский вопрос, он знакомил студентов с воззрениями Вольфа, Грота, Бергка, Фолькмана и Крамера. При изложении периода от переселения дворян до персидских войн Ф. И. делал обстоятельный экскурс в область источниковедения (эпиграфический материал, Повсаний, Фукидид, Плутарх, Страбон и др.) и знакомил студентов с трудами Шемана, Германа, Бека, Грота, Ваксмута, Курциуса, Куна, Гильберта и др. В разделе о греко-персидских войнах Ф. И. много внимания уделял Геродоту, к которому он относился в общем оптимистически. Говоря о делосской симмахии, он знакомил с результатами раскопок на острове Делосе. Для освещения эпохи Перикла привлекался эпиграфический материал, Павсаний, Фукидид, труды по греческим древностям Шемана и Германа и ряд монографий. Изложение истории Греции не выходило за пределы 404 г. до н. э.

Очень сслидно для своего времени Федор Иванович строил и курс истории Рима. На данных археологии, эпиграфики, сравнительной лингвистики и других вспомогательных дисциплин он знакомил студентов с доримской Италией. Затем следовала обстоятельная глава о римских анналистах, о Т. Ливии, Дионисии Галикарнасском, Полибии, Плутархе, Диодоре Сицилийском, Цицероне, Дионе Кассии, Аппиане и др. В следующем разделе обстоятельно излагалась историография по истории Рима от XVIII в. до новейшего времени. Изложение доводилось до конца республики. Как и в истории Греции,

Ф. И. проявлял заостренный интерес к аграрным отношениям в Риме, особенно в эпоху Гракхов.

До сих пор я говорил о Федоре Ивановиче, как о профессоре. Перехожу к характеристике его как научного руководителя.

Студент, оканчивавший курс наук, обязан был представить в государственную экзаменационную комиссию письменную работу, которая официально называлась «дипломным сочинением», а по традиции «кандидатской диссертацией». По приглашению с Ф. И.—чем я выбрал для этой диссертации тему из древнейшей истории Рима («Римская община до 493 г. Историко-критическое исследование»). Тема была навеяна лекциями Ф. И. по римской истории и лекциями по римским государственным древностям Э. Р. Штерна, — классика, отличного знатока древней истории и археологии. Требовалось прежде всего изучить источники: анналистов (фрагменты), Ливия (I—II), Дионисия Галикарнасского (I—V), Плутарха, Цицерона («О законах» и «О государстве»), Аппиана, Диона Кассия (фрагменты), А. Геллия, Зонару и др. Затем необходимо было проделать работу по критике источников с помощью специальных трудов Класона, Петера, Аландского, Нича и др., часто противоречивых в своих оценках. Далее следовало параллельно критическое обследование общих трудов по истории Рима (Нибура, Дюрюи, Моммзена, Шwegлера, Ине, Ваксмута, Петера и др.), по римскому государственному праву и по политическим древностям (Моммзена, Марквардта, Биллемса, Ланге, Игеринга и др.), монографий и специальных работ (Моммзена, Азаревича, Целлера, Ине, Зольтау, Фюстельде-Куланжа и др.) и ряда статей в филологических и исторических журналах.

После этой предварительной работы необходимо было представить картину событий и отношений в древнейшем Риме и изложить систему развития римских государственных учреждений до начала V в. до н. э. Сохранившаяся одобрительная рецензия Ф. И. Успенского на эту диссертацию, написанную в 1891/92 г., открыла меня на дальнейшую научную работу. Ф. И. очень желал оставить меня при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессуре, но опасался возражения со стороны учебного начальства, так как в конце 1886 г. я был подвергнут репрессии в связи со студенческим движением. Ф. И. нашел выход: «У Вас», — сказал он мне, — «имеются все права на профессорскую стипендию, но при данных условиях Вам ее не дадут. Вам необходимо создать себе внеконкурс-

ное положение. По моему предложению на 1892/93 г. объявлен конкурс на медальную диссертацию под заглавием «Военное устройство Византийской империи». Напишите работу, получите золотую медаль, и Вы будете вне конкурса». Я погрузился в исследование одной из наиболее темных сторон византийской организации, но справедливость требует отметить, что тема явно превышала силы студента, и справиться с ней мог бы только зрелый и многоопытный ученый, да и то ценою немалых усилий. Ведь и в настоящее время, спустя 50 слишком лет, у нас нет еще полноценной работы на эту тему.

Для решения поставленной мне задачи приходилось изучать византийских историков и хронистов, изданных в подавляющем большинстве плохо, без указателей имен и предметов. Приходилось изучать дошедшие до нас римские и византийские сочинения по стратегии и тактике, как будто созданные для того, чтобы ставить непреодолимые препятствия исследователю; критики выдвинули самые разнообразные предположения относительно личности авторов и времени написания многих сочинений этой категории. Приходилось изучать византийское законодательство, начиная от Феодосия II, сборники актов (Миклошича и Мюллера) и ряд таких памятников, как «Путеводитель» Гиерокла, «Расписание военных и гражданских должностей», сочинения Константина Багрянородного и др. и литературу по истории военной организации и военного искусства. Существовавшие в то время труды по истории Византии (Финлея, Герцберга, Рамбо, Бюри и др.), а также специальные работы Ф. И. Успенского, В. Г. Васильевского, Шлемберже в общем ценны, но для решения поставленной мне задачи они давали мало. Изнемогая от непосильной работы, я хотел было отказаться от нее, но Федор Иванович поддержал мой слабеющий дух и, между прочим, рассказал, как он сам изнемогал в 1871 г. над конкурсным сочинением о первых славянских монархиях на северо-западе, собиравшись было отказаться от него, но ободрение со стороны В. И. Ламанского помогло ему довести дело до благополучного конца.

В процессе работы я убедился в том, что мне необходимо раздвинуть хронологические рамки своего исследования, начать его не с VIII (как предполагал Ф. И.), а с VI в. В результате я не успел закончить работу в установленный срок и по формальным признакам не имел права на премию, но факультет все-таки присудил мне в 1893 г. золотую медаль за произведенную часть работы.

Я бесконечно благодарен Федору Ивановичу за то, что он ставил перед учениками своими трудные задачи и приобрел меня к византиноведению. Это была отличная школа. Профессорской стипендии учебное начальство мне все-таки не дало; причитавшаяся мне стипендия была дана Т., который заручился рекомендательным письмом К. П. Победоносцева к декану факультета В. К. Надлеру и к попечителю учебного округа Х. П. Сокольскому. Ф. И. Успенский был очень огорчен, тем более, что Т. никакого отношения к науке не имел.

В Одессе Ф. И. учредил при историко-филологическом обществе византийское отделение, которое служило органом пропаганды византийских и византино-славянских научных занятий.

С отъездом Ф. И.—ча в 1894 г. в Константинополь византиноведение в Одессе замирает. Созданное им «содружество византологов» распалось. Н. Н. Кондаков (знаменитый специалист по византийскому искусству) переехал в Петербург еще в 1888 г. После Успенского покинул Одессу и выдающийся историк литературы и отчасти византинист А. И. Кирпичников, перешедший в Московский университет.

Я поддерживал связь с Ф. И. Успенским из Петербурга, куда я переехал в 1895 г. и где я занимался одно время под руководством знаменитого основоположника русской византологии акад. В. Г. Василевского. С 1901 г. мы усиленно переписывались с Успенским, которому я посылать помогал в его хлопотах по Археологическому институту в Константинополе. Мы встречались во время его приездов в Петербург. Что Успенский был прирожденный педагог и горячий пропагандист своей науки, я еще раз убедился в 1908 г., когда я, во главе экскурсии учащейся молодежи и педагогов, посетил Константинополь. Ф. И.—ч читал экскурсантам лекции, знакомил их с институтским музеем, сам водил их в Ая-Софию и к другим важнейшим памятникам, предоставляя секретарю Института Б. А. Панченко роль гида по менее замечательным местам.

В 20 годах моя переписка с Ф. И.—чем особенно оживилась. В одном письме 1925 г. он сообщает, как его приветствовали 8/II с 80-летием, «но», пишет он, «мне особенно жутко приходилось чувствовать отсутствие учеников, которых мне не удалось иметь подле себя и которых я рассеял в своей скитальческой жизни. Исключение составляли ученики, приобретенные в последние годы в Ленинградском университете. Состоя в сношениях с ними, я приобретаю

к новым поколениям». И дальше: «Все еще не теряю надежды на возобновление деятельности Константинопольского института».

В 1927—1928 гг. мне привелось еще раз стать под ученое руководство Федора Ивановича. Путем переписки он склонил меня организовать в Одессе отделение Русско-византийской комиссии, в которое я привлек группу одесских профессоров. Отделение это, утвержденное Академией Наук СССР, поставило себе задачей содействие работам Р. В. К. над переизданием греческого словаря Дюканжа и восстановление в Одессе изучения Византии (см. «Визант. Времен.» т. XXV. Приложение, стр. 165). В целом ряде писем Ф. И. с удивительным энтузиазмом входил в детали занятий руководимой мною группы, одобрял наш план работы, инструктировал нас по вопросу о согласовании метода и системы работы, утверждал список византийских писателей, избранных нами для обработки и пр. «Пока я не сошел со сцены»,—писал мне Ф. И.,—«я хотел бы дать византизму в России надежду на существование после меня». Он радовался сделанному нами «робкому шагу по возобновлению в Одессе занятий византиноведением» и, между прочим, запросил, не смогу ли я дать рецензию на вышедший труд «Вазелонские акты» (Письмо от 30/V 1927 г.). Еще один интересный штрих. В ноябре 1927 г., по случаю 35-летия моей педагогической и научной деятельности, собралась довольно большая группа историков и филологов, старых и молодых. Мы все признали себя учениками Ф. И.—ча и послали ему приветственную телеграмму. Ф. И.—ч ответил мне письмом (29.XI 1927 г.), где писал, между прочим: «в Вашем приветствии блеснул для меня свежий луч неугасшей памяти о молодой, одушевленной горячим чувством любви к-университетской молодежи моей преподавательской поры в Одессе. Поверьте, ничего так не может волновать старого профессора, как напоминание о давно минувших временах его бодрой деятельности и хотя бы намек на сохранившуюся добрую память в местах его давней преподавательской работы».

А в 1928 г. тяжкая болезнь унесла Федора Ивановича.

Одесский Государственный университет имени И. И. Мечникова, в связи со столетием со дня рождения Ф. И. Успенского, 20 лет проработавшего в этом университете, организовал 27-го и 28-го мая 1945 г. научную сессию и выставку «Византия и славяне», посвященную его памяти. В заключение своего доклада на сессии о жизни и деятельности Ф. И.—ча я выразил надежду, что сессия и выставка послужат

стимулом к объединению научных работников Одессы в области истории и филологии для возрождения в нашем городе занятий по византиноведению и славяноведению, занятий, получающих в настоящее время актуальнейшее значение.

Одесса в прошлом была крупным центром византиноведения и славяноведения; необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы увеличить кадры одесских византологов и славистов и создать условия для плодотворной их работы над такими научными проблемами, которые связаны с жизненными интересами нашего Отечества.

736665

42